

ИЛЛЮЗАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

***Реферат.** В статье рассматриваются преобразование современного языка в средство манипуляций общественным сознанием. Язык в меняющемся мире при субъективном отношении к нему как инструменту для навязывания идеологии используется для виртуального изменения мира и человека на основе иллюзий (от лат. *illusio; illudere* – “играть, обманывать”) – неадекватных восприятий, в результате которых происходит замена реального на вымысел, игнорирующий существующие внешние свойства объектов, в результате чего сознанием воспринимается не сам объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ.*

Неадекватность применения языка и замена множества его природных функций всепоглощающей иллюзативной антифункцией усиливает конфликтность внутри национально-языкового коллектива и разрушает язык как средство человеческого общения, общности и жизнедеятельности. Вот почему в условиях активной атаки на социум на основе иллюзий защищать нужно не русскую или украинскую культуры, а язык вообще от его превращения в свою противоположность. В этом великое предназначение русского языка как мирового, несущего ответственность за всё гуманитарно-языковое контактное пространство.

***Ключевые слова:** иллюзии, переименования, собственные имена, языковое сознание.*

Проблемы происхождения, развития и “выживания” языка и общества являются, пожалуй, наиболее философски-

ми из всех, интересующих человечество с момента его возникновения, которые неизбежно ставят перед языкознанием не менее глобальные по значимости вопросы об уровне их взаимоотношений, степени взаимообусловленности и предельной допустимости изменений в языке и окружающем мире. В поисках ответа на эти вопросы лингвисты так или иначе сталкиваются с внешними трансформациями в речевой практике в виде заимствований, молодёжного жаргона, сленга или профессионализмов, которые якобы противоречат культуре речи, расшатывают стройную и упорядоченную систему языка и приводят общество в состояние хаоса, непонимания, морального разложения и разрушения. Именно под этим углом зрения чаще всего рассматриваются современные лексические образования типа *шузы, прикид, мэнь, хаер, ухайдокать, круто, шмон, беспредел, комп, юзер* (“пользователь компьютера”), *сисадмин* (“системный администратор”), *айпишник* («“ай-пи” адрес»), *зависать в чатах, бабки, баксы* (а раньше *тугрики, рупии*) и т. п. Между тем подобные “экспериментальные” словоупотребления существовали и существуют всегда, но языковая система не утрачивает свою устойчивость и не погибает. Реагируя на появление новых технологий, понятий и предметов, она просто раздвигает рамки общения на любом из этапов человеческой жизнедеятельности в разных языковых коллективах (а не только в молодежной среде).

Так, пришедшие из литературного творчества XIX-начала XX столетия слова *щановатый* “франтоватый, щеголеватый”, *михрютка* “тщедушный, невзрачный человек, замухрышка”, *журфикс* “день недели, отведённый для приёма гостей” захватили сначала коммуникативное поле всего общества, хотя в XX веке исчезли из широкого обращения. С другой стороны, нехарактерные для XIX века аббревиатуры типа *псих, вуз, зам, начотдела, лечсанупр, зарплата, хозчасть, райздрав* прочно закрепились в современном языковом употреблении, как и огромное количество лексем, отражающих новые реалии современной жизни: *путёвка, бытовка, массовик, компьютер, ксерокопия, шоумен* и т. п.

«Язык далёк от того, чтобы функционировать, “не изменяясь”, как это бывает с “кодами”, он изменяется, чтобы продолжать функционировать как живой» [3]. В вечных изме-

нениях, не противоречащих конкретному времени и конкретному состоянию общества, проявляется его объективность и живучесть. В этом смысле известное латинское изречение *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* (“Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними”) может быть продолжено: “...и язык изменяется вместе с нами”. Речевые изменения под влиянием объективно сложившихся условий и обстоятельств в конце концов подвергаются языковой коррекции, принимаясь или отвергаясь обществом и, таким образом, не нарушая устойчивости языка как такового. Кажущийся хаос упорядочивается языковой системой.

“Многообразные представления о языке как статичной (как у Фердинанда де Соссюра [7], *прим. автора – В. М.*) или развивающейся системе” (как у Гумбольдта [1] или В. В. Колесова [2], *прим. автора – В. М.*) увязываются с выяснением внутренних и внешних причин развития. Смена формальной парадигмы исследования языка на функционально-коммуникативную приводит к идее рассмотрения системы языка как гомеостата – адаптивной системы, стремящейся к самосохранению» [8, с. 289], которую нельзя разрушить постоянно меняющимся процессом не только жаргонного, но и литературного словотворчества. Каждое поколение “изобретает” свои “слова”, исчезающие по мере его взросления и старения, и приобретает другие, соответствующие новым реалиям и представлению молодежи о “языковой моде”. Таким образом, аксиомой сегодняшнего научного сознания есть утверждение о том, что социальные трансформации отражаются в языковых изменениях.

Однако на определенном этапе человеческого развития возникает не менее активный противоположный процесс – язык становится мощнейшим инструментом воздействия на общество. Об этих новых свойствах языка – способности создавать иллюзии, влияющие на адекватное восприятие действительности, заявил ещё Б. Уорф [9]. Он доказал на примере небрежного обращения англичан с воспламеняющимся известняком из-за наличия в слове *limestone* лексемы *stone* “камень”, что человек склонен не только предполагать, но и поступать, руководствуясь языковыми соображениями.

Подобное наложение значений некоторых слов на восприятие предметов было взято на вооружение политиками для более серьёзных манипуляций с общественным сознанием. Язык в их субъективном отношении к нему как инструменту для навязывания идеологии поступков стал использоваться для виртуального изменения мира и человека в этом мире на основе иллюзий (от лат. *illusio*; *illudere* – “играть. Обманывать”) – неадекватных восприятий, в результате которых происходит замена реального на вымысел, игнорирующий реально существующие внешние свойства объектов, в результате чего сознанием воспринимается не сам объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ. Энергетика общества всё теснее связывается с энергией слова, поскольку “слово ... есть звуковая энергия, весьма тонко организованная ... и обладающая в этом смысле, полной интенсивностью” [10, с. 235]. Однако эта природная “энергетическая” способность языка при обращении с нею, исходя из личных интересов, представляет гораздо большую опасность для существования языковой системы и социума, нежели молодежное словотворчество. Иллюзии, обозначенные политиками как конечная цель развития, являются в этом контексте не отражением существующей реальности, объективно сложившейся в конкретном социуме, а фантомным образованием, изменяющим само общество и его сознание.

Так, навязывание узусу новейшего русского языка тюремно-лагерного жаргона (точнее, аргю, массово используемого в современных масс-медиа и речи депутатов) снижает уровень нравственности в социуме и превращает его в антисоциальную общность с мировоззрением уголовно-преступного мира. Как пишет Л. И. Скворцов, “... он опасен как в нравственно-этическом отношении, так и социально-культурном плане” [6, с. 7]. Рассмотреть эту опасность гораздо сложнее, нежели формальное словотворчество, потенциально возможное в речи любого представителя национально-языкового сообщества (а не только в молодёжной или культурной среде), поскольку “политические конструкторы” общественно-го сознания, используя иллюзативную функцию языка, прикрываются маской демократии, сохранения и развития нации, общества и культуры. Призывы “затянуть пояса ради благо-

получия в государстве” (хотя государство – это его люди, а не властные структуры), безапелляционные “рекомендации”, на каком языке общаться, какая история “правильная”, какую литературу изучать и какая культура истинно национальная, увеличение до отторжения контролирующих, регламентирующих и охранных органов, созданных якобы для защиты граждан от коррупции и преступности, на самом деле свидетельствуют о стагнации государственного механизма управления, стремящегося превратить человека в бездуховный “винтик”, живущий навеянными управленческо-олигархической элитой иллюзиями о “прибыльности”, “улучшении”, “оптимизации” или “экономического роста”.

На территории русско-украинского (украинско-русского или любого другого контактного языкового пространства) иллюзативность современного языка проявляется, во-первых, в попытках заменить общее лексическое, культурно-историческое и национально-правовое поле его эрзацем (внешний признак) и, во-вторых, в неосознанном стремлении подчинить общезыковые нормы жизнедеятельности, сформированные человечеством на протяжении его существования, субъективным представлениям об их необходимости и целесообразности (внутренний признак).

Ярким показателем **внешнего проявления** языковой иллюзативности является пропаганда национальной исключительности или наднациональной универсальности Украинского и Русского миров. В украинском контексте она вполне осознанно проводится политиками, “деятелями культуры” и средствами массовой информации, которые ведут борьбу с русским языком, якобы изменяющим истинно украинский смысл (русс. *Анна, Николай, Владимир Путин, Михаил Саакашвили, Теплогорск, Николаев*, – укр. *Ганна, Микола, Володимир Путін, Михайло Саакашвілі, Теплогірськ, Миколаїв*), произношение (лит. *діаспора, іній, іржа, геніальний, ефір, кафедра, Афіни, бюджет* – публ. *діяспора, іній, іржа, геніальний, етер, катедра, Атени, б'юджет*), грамматику (лит. *крові, совісті, племені, метро* – публ. *крови, совісти, племени, метра*) и лексику (*гусак – ганс, вертоліт – гвинтокрил, карта – мапа, масштаб – мерило*). Иллюзации разрушают основу делового общения, насыщая терминологию эмоциями, многоз-

начностью и национальной ограниченностью: *вуз – виша, дівчина – юнка, член партії – членкиня, листоп`ад – лист`опад, любл`ю – л`юблю, будемо – буд`емо, процент – відсоток, аеродром – летовище, госпіталізувати – ушпиталити, торговельний – торгівельний, коаліціант – коаліціянт, переговори – перемовини, начальник – очільник, автомобіль – автівка, фотографія – світлина* и т. п.

Совсем не случайно недавняя политическая оппозиция, придя к власти и не имея возможности (или объективных оснований) открыто бороться за “свою” историю, начинает атаковать историческую память при помощи замены общекультурной онимной базы. Наиболее примитивный и наиболее жесткий способ стирания из сознания народа значимых для него реалий – наглядная демонстрация своей позиции при уменьшении частотности употреблений имён собственных, кажущихся “вредными” с точки зрения якобы “непредвзятой” истории, путём их переименования, перевода или замены. Такой залп по народной памяти был осуществлён ещё в 1991 г., когда из некоторых украинских учебников были вычеркнуты понятия “Великая Отечественная война”, “советский народ” и заменены на понятие “Вторая мировая война и участие в ней украинского народа” [5, с. 163]), причём *Вторая мировая война* стала фиксироваться прописной буквой, что должно было повысить её значимость по сравнению с *отечественной войной советского народа*. “Новое” видение истории усилило давление на общественность за признание “вояков” УПА участниками освободительной войны украинского народа (против кого?). По мере вычеркивания из сознания молодежи реалий, кроющихся за хрононимом *Великая Отечественная война*, распространилось “движение” за переименование всех и вся. Мы в очередной раз становимся свидетелями переписывания истории “по Оруэллу”, когда *площадь Дружбы народов* превращается в *майдан Незалежності* и далее *Майдан* как явление, *Великая Октябрьская революция – в октябрьский переворот*, *Стаханов – в Кадиевку*, *ул. Лермонтова – в ул. Генерала Дудаева* и когда осуществляется покушение на всю “неудобную” или “нежелательную” проприальную культуру. Авторы проектов, направленных на уничтожение “коммунистического прошлого” неосознанно повторяют методы этого прошлого,

которые в своё время превращали *Луганск* в *Ворошиловград* (и опять в *Луганск*), *Петербург* в *Ленинград* (и опять в *Петербург*), *Мангуш* в *Первомайск* (и опять в *Мангуш*), *Юзовку* в *Сталино* (а потом в *Донецк*), *Царицын* в *Сталинград* (а потом в *Волгоград*), *Арбат* в *Калининский проспект* (и опять в *Арбат*), *Мариуполь* в *Жданов* (и опять в *Мариуполь*) и т. п. К чему привели массовые переименования мы знаем – к уничтожению государства. Химера забвения собственной истории захватила теперь Украину. Постоянные “переименования-восстановления” – игра опасная, которая в конце концов дорого обойдётся для будущих поколений. Тем не менее она завуалированно продолжается при “переводе” собственных имён и манипуляций с прописной буквой для очернения исторических фактов: *Советская Украина* – *Радянська Україна* – *Советська Україна* – *советська Україна*; *Советская Армия* – *Радянська Армія* – *Советська Армія* – *советська армія*; *Великая Отечественная война* – *Велика Вітчизняна війна* – *отечественна війна*; *пл. Победы* – *пл. Перемоги* – *пл. Победы* и т. д.

Внутренний признак иллюзативных трансформаций, изменяющих общество и парадигмы его развития, связан с функционально-системным предназначением языка. Речь идёт не о конкретных и вполне осязаемых примерах функционирования языковых единиц в речи и манипуляций с ними, а о природе языка, пренебрежение которой может привести к социальному коллапсу.

Наиболее уязвимой для его объективной сущности является национально-языковая политика на уровне иллюзаций. Она до сих пор балансирует на грани конфликтов, поскольку властные структуры с одинаковым “правовым” рвением голосуют за прямо противоположные законы относительно статуса русского и других языков. Так, русский язык в официальных документах Украины статутуруется то как язык “национальных меньшинств” (Конституция, 1996 г.), то как официальный (постановления областных советов Восточной Украины и Крыма, 2008 г.), то как региональный (Постановление Верховного Совета, 2012 г.), что провоцирует представителей любых национальных общностей на борьбу за региональный статус своего языка в границах отдельного района или посёлка (например, венгерского или румынского) и даже государственного (на-

пример, крымскотатарского) в Крыму, что ставит под сомнение единство гуманитарно-языкового образования (в каждом регионе оно будет зависеть от местных чиновников или политиков) и общенациональной модели воспитания и управления (она станет непредсказуемой). Иллюзорность подходов к языку как к биологическому явлению уже сегодня обозначено механистическим отношением к человеку и его деятельности. Оно базируется на том, что языковая система заложена в ребенке при рождении как умение дышать, двигаться, видеть или слышать, а поэтому природа якобы наделяет народы разными с точки зрения развития языками. При такой интерпретации природы совсем недалеко до насильственного внедрения “развитой языковой культуры” и до современной акцентной идеализации “титульной нации” с её “развитым” языком. Однако Слово нельзя оценивать извне: любой язык “богат, велик и могуч”, если он удовлетворяет потребности конкретного общества в его конкретных социальных условиях деятельности. Он существует только в условиях коллективной деятельности и диалога, нацеленного на позитив, на передачу знаний и опыта будущим поколениям. Именно поэтому язык – не застывшая категория, он развивается по объективным законам, не зависящим от воли и желаний отдельной личности, президентов или их партий. Вот почему естественной социальной нормой функционирования языка и речевой деятельности в конкретном обществе является его развитие без субъективного давления, иначе языковое “строительство”, основанное на принудительном мотиве внедрения “развитой” системы, разрушает как национальную культуру языка-реципиента, так и культуру языка-донора.

Конечно же, языковые системы отличаются структурой, фонетикой, словарным составом, но им всем присущи общие закономерности развития, сосредоточенные в социальных функциях: общих (коммуникативная, мыслеобразующая, познавательная функции), логических (профессиональная и номинативная функции) и эмоциональных (экспрессивная, волонтеративная и эстетично-культурологическая функции).

Общими функциями должны владеть все, хотя на практике так бывает не всегда. Так, *коммуникативная функция*, связанная с языком как универсальным средством челове-

ского общения, утрачивает свою нацеленность на диалог, если в категоричной форме навязывается личное мнение другим. Вот почему политики, главным языковым кредо которых является клише “*Я убежден!*”, отторгаются обществом, а управленческие коллективы утрачивают свой авторитет – человечество начинает жить по собственным законам, игнорируя сформулированные властными структурами предписания. Эффективной коммуникации должна предшествовать *мыслеобразующая функция* как средство формирования и высказывания мысли (мысль – диалог – фиксация мыслительной деятельности). Лишь в этом случае язык способен стать адекватным средством передачи, сохранения и усвоения знаний и полноценно выполнять *познавательную функцию*. Нетолерантное отношение к нормам материализации мыслеобразующей, познавательной и коммуникативной функций (не формирование и высказывание мысли, а наоборот) уничтожает возможность последующего диалога, который может происходить только на основе упреждающего стремления к пониманию оппонента, и разрушает психологические основы деловой коммуникации.

Увеличение познавательной роли языка в эпоху научно-технической революции приводит к развитию *профессиональной и номинативной функций*, которые являются главным критерием специальной подготовки. Вот почему без грамотного владения языком профессии нельзя говорить о высоком служебном или гражданском уровне управленца. Если заметить, что за год в мире появляется более 120-ти тысяч новых профессиональных терминов, то вполне понятным представляется требование к постоянному изучению языка. Номинативная функция становится отличительной чертой научного и делового стилей, где без точного употребления терминов и определения понятий нельзя говорить и о существовании самого предмета исследования. Вот почему специалист в отличие от непрофессионала должен сначала определить суть явления (что это такое) и только на этой основе планировать свою дальнейшую деятельность (что с этим делать). Дилетантское жонглирование терминами порождает иллюзии действительности и приводит к краху любую идею при попытке её реализовать (такая ситуация сложилась, например, в Украине, где понятия

“национальный”, “государственный”, “региональный” или “официальный” языки размыты и, соответственно, неправильно статуйрованы на основе иллюзий [4].

Правда, существуют случаи, когда информативность почти отсутствует, а коммуникация осуществляется за счёт повышенного эмоционального напряжения в границах экспрессивной, волюнтаривной или эстетическо-культурологической функций. *Экспрессивная функция* реализуется в языковых формах выражения эмоций и чувств человека. Когда экспрессия достигает апогея, она начинает влиять на волю собеседника. В этом случае можно говорить о *волюнтаривной функции* языка. Она прослеживается в словесных формулах безапелляционного приказа. Последнее очень часто встречается в языке и деятельности руководителей, которые не видят альтернативы жесткой модели подчинения. Между тем социальной нормой процесса управления является языковая толерантность: менеджмент, построенный только на волюнтаривной функции, не является менеджментом, потому что в этом случае коллектив будет нацелен не на оптимальное выполнение производственных или социальных задач, а на то, как угодить начальнику, который при этом будет всё больше утрачивать свой авторитет.

Высшей функцией языка является *эстетическо-культурологическая*, потому что на современном этапе он превращается из средств общения в способ структуризации общества, средство формирования эстетических и культурных идеалов нации. В условиях полного или частичного игнорирования этой функции нация постепенно разрушается, переходя в безнациональную или иную национальную парадигму (вспомните “интернациональную” политику Советского Союза или привитие нехарактерных для большинства идеалов западной демократии на постсоветском пространстве). Речь идёт об уяснении сути важнейшего для современного социума понятия “национальный язык”. В отличие от языка как средства общения национальный язык есть средство общности нации. Это тип национального мышления, философии и психологии определенного народа, который может реализовываться не только в разных языковых системах (литературном языке, языках национальностей, диалектах, жаргонах), но и в любых

произведениях национальной культуры (живописи, музыке, архитектуре) как формах передачи разными способами национального мышления.

Важнейшим условием существования нации является сохранение социальных норм функционирования национального языка, у которого чем больше форм и способов передачи национального сознания, тем он богаче и тем больше возможностей для формирования общенационального единства. Принудительное ограничение межнационального общения рамками одного языка приводит к постепенной утрате рычагов управления. Вот почему для бесконфликтного развития в многонациональном государстве главным является сохранение объективной языковой реальности и её закрепление в соответствующих законах о социальном статусе государственного (государственных), официального, региональных языков, языков национальностей и нетерриториальных языков. Некомпетентное отношение к национально-языковой политике на основе иллюзаций порождает социальные мифы, по которым вынуждено жить общество.

Таким образом, при политизации языковых явлений, сопровождаемых конфликтами, можно и нужно говорить об экологии управленческого мышления. Оно превращает заложенный природой конструктивный потенциал языковых функций в коррозийный материал для искусственно созданной иллюзативной антифункции, которая превращается в средство навязывания обществу иллюзий прогрессивного развития: кризис объявляют, а потом он наступает; социальную защиту развенчивают, а потом её игнорируют; закавычивают названия предприятий и учреждений (*ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет», Коммунальное учебно-воспитательное дошкольное учреждение «Детский сад-ясли №25», КП «Шахта им. А. Ф. Засядько»*), а потом их с легкостью “оптимизируют” (ведь после лингвистической “обработки” они лишаются юридических прав, поскольку закавыченные имена собственные не являются университетом, детским садом или шахтой); вводятся в оборот слова *зачистка, килер, крышевать, переворот, фашисты, оккупанты, национальные герои, оптимизация, рейдеры, коллекторская деятельность* как синонимы представлений об *уничтожении, убийцах, покрытии*

преступной деятельности, революции, коммунистах, воинах-освободителях, националистах, захватчиках предприятий, насильственном изъятии денег путем шантажа, а потом они покрываются ореолом настоящей жизни (или сходят с почетного пьедестала).

Неадекватность применения языка и замена множества его естественных функций всепоглощающей иллюзативной антифункцией усиливает конфликтность внутри национально-языкового коллектива и разрушает язык как средство человеческого общения, общности и жизнедеятельности. Вот почему в условиях активной атаки на социум на основе иллюзий защищать нужно не русскую или украинскую культуры, а язык вообще от его превращения в свою противоположность. В этом великое предназначение русского языка как мирового, несущего ответственность за всё гуманитарно-языковое контактное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт – М., 1984. – 398 с.
2. Динамика и структура современного русского языка / Отв. ред. В. В. Колесов. – Л., 1982. – 135 с.
3. Косериу Е. Синхрония, диахрония и история / Е. Косериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143–347.
4. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность / В. И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010, № 3 – М.: Российский университет дружбы народов, 2010. – С. 13–18. [Серия «Русские языки и иностранные языки и методика их преподавания»].
5. Нариси історії України. Навчальний посібник для студентів вузів та учнів середніх шкіл. // Відповідальний за випуск Б. Д. Лановик. – Тернопіль: Тернопільський інститут народного господарства, 1991. – 216 с.
6. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. – М., 2009. – 1104 с.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977. – 695 с.
8. Тукова Т. В., Сидельников В. П. / Т. В. Тукова, В. П. Сидельников // Функциональная лингвистика: сборник научных работ / Крымский республиканский институт последипломного образования; научный редактор А. Н. Рудяков – Симферополь, 2010. – № 1, том 2. – Проблема развития языка в свете различных научных парадигм // С. 287–290.

9. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике, вып. 1, М.: Наука, 1960. – С. 135–169.
10. Флоренский П. Имена / П. Флоренский. – М., 2006. – 896 с.

Мозговий В. І.

ІЛЮЗАТИВНІСТЬ СУЧАСНОЇ МОВИ В МІНЛИВОМУ СВІТІ

Розглядається перетворення сучасної мови в засіб маніпуляцій громадською свідомістю шляхом ілюзацій, від яких треба захищати не конкретну мову, а мову взагалі. Наводяться приклади атак на соціум через зміни мовних функцій і перейменувань власних назв. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 289–301).

Ключові слова: *власні назви, ілюзації, мовна свідомість, перейменування.*

Mozgovoy V. I.

ILLUSTRIONIST MODERN LANGUAGE IN A CHANGING WORLD

Discusses the conversion of the modern language into a means of manipulation of public consciousness by illusory the need to protect not a specific language, and the language in General. The examples of attacks on the society with changes to language functions and re-naming of individual names. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 289–301).

Keywords: *illuzzi, language awareness, proper names, rename.*